

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава четвертая

Уроки выживания

Ужас

После эксперимента с перепряжкой волов колхозное начальство их у нас отняло, решив, что мы не большие баре, можем в школу ходить и пешком. Семь километров туда, семь обратно — для городского мальчика расстояние серьезное.

Дорога была скучная, длинная и вилась как река, сначала вдоль баштана, где зрели арбузы, а потом втекала в поле, на котором только что скошили пшеницу. Мне не нравилось, что дорога виляет. Я покинул ее и пошел прямо через поле по колючей стерне, пиная попадавшие под ноги копны соломы. Пнул одну, пнул другую, а третья вдруг зашипела, как масло на сковородке, и из нее вывернулась черная спираль, которая, повернув ко мне маленькую головку с очень злобными глазами, высунула длинный язык и зашипела еще сильнее.

Я оцепенел, потом заорал на всю степь: «Мама!» — и кинулся бежать. Я бежал, стерня шелестела под ногами, мне казалось, что все змеи собираются, гонятся за мной и вот-вот догонят. Я кричал, у меня иссякали силы, кричать я не мог и не кричать не мог. Я бежал неизвестно куда очень долго, пока не свалился без сил. А когда свалился, то подумал, что вот они, змеи, все сейчас ко мне подползут и будут меня, маленького, несчастного, жалить и жалить, и я умру здесь мучительной смертью. Но у меня уже не было сил бояться, и я решил: пусть ползут, пусть жалят, только скорее.

Пока я ждал смерти, солнце опустилось к горизонту, большое, красное, предвещавшее по бабушкиным приметам ветреную погоду. Я понял, что, раз я не умер, надо вставать и идти. Но я не знал, куда именно. Степь да степь кругом, дороги не видно и ничего, кроме бесконечного ряда копен, ничего такого, что бы выделялось: ни дерева, ни дома, ни дыма. Я пошел за солнцем, а оно от меня уходило быстро и равнодушно. Оно опустилось за горизонт, и степь потемнела. Опять вернулся страх. Я шел и ревел монотонно, как дождь. И было отчего. Городскому мальчику остаться одному ночью в степи — что может быть страшнее?

Я шел, ревел и вдруг заметил, что впереди, очень далеко, что-то как будто светится. Я прибавил шаг, потом побежал и в конце концов с диким ревом бежал на колхозный ток, где возле горы намолоченного зерна несколько комбайнов почему-то стояли на месте и светили всеми своими фарами. Там же я увидел бригадирскую бидарку-двуколку и самого бригадира Пулика.

— Эй, малой! — закричал он, потрясенный моим появлением. — Звидкиля ж ты узався? Я ему сказал, что на меня напала змея. Он слушал меня с удивлением. А потом посадил рядом с собой в бидарку, и бригадирская кобыла Пулька резво понесла нас в сторону хутора.

Там уже был переполох, опрошены все вернувшиеся из школы ученики, но они ничего путного сказать не могли. Тетя Аня пыталась найти бригадира, чтобы организовать поиски, но не нашла, потому что бригадир был на току...

А потом был мой рассказ, как я шел, как змея выскочила, как завертелась, как зашипела. Я расписал ее самы-

ГЕНАДИЙ НОВИЧОВ

ми страшными словами, какие были в запасе. Пасть у змеи большая, язык длинный, глаза злые, сама черная, а над глазами такие вот страшные оранжевые кружочки.

— Кружочки? — переспросил Сева. — Оранжевые? И они с Витей оба покатались со смеху. И долго еще смеялись, прежде чем объяснили, что эта змея была обыкновенным безобидным ужом. Чем я был очень смущен и разочарован. Теперь, когда все прошло, хотелось, чтобы змея была настоящая. Но какая б она ни была, тетя Аня решила в школу меня больше не пускать, и на этом образование мое прервалось.

Всухомятку

Колхоз наш был очень зажиточный. Колхозники держали некоторые по четыре коровы. У всех были свиньи, куры, гуси и утки. Обезжиренное по-

зима оказалась на редкость суровой и снежной. Пурга, длившаяся несколько дней, намела сугробы выше крыш. Но природа была к людям милостива, сугробы прилегали к хатам не вплотную, а оставляли некоторое пространство, которое позволяло открыть дверь. Впрочем, иногда соседям приходилось друг друга откапывать.

Дядю Костю угнали на оборонные работы в самом начале зимы. Сколько он там пробыл, не помню, и что делал, не знаю — кажется, копал противотанковые рвы. Вернулся с обмороженными ушами и руками. А наша соседка Маруся, девушка лет семнадцати, обморозила ноги, да так, что целыми днями рыдала и причитала:

— Ой-ё-ёй! Ой, ноженьки мои, ноженьки!

Говорили, что ей надо отрезать ноги, иначе она умрет. Но кто мог провести ампутацию, если на хуторе не

шаается ездить только специальному наезднику. А больше никому, включая даже его, конюха, и председателя колхоза. Я огорчился и продолжал ездить на Ворошилове, хотя занятие это мне казалось чем дальше, тем скучнее.

Но однажды мне повезло. Я только слез с Ворошилова, когда на бидарке-двуколке подъехал бригадир Пулик и стал выпрягать кобылу Пульку. — Эй, малой! — закричал он мне. — Шо твоя бабка гири узьяла и нэ нэсэ?

— Какие гири? — не понял я. — Ну таки, шо на весы кладуть, шоб важиты.

Я вспомнил, что в самом деле, когда нам выдавали в чувалах зерно на заработанные взрослыми трудодни, для этого дела привозили весы и гири. В тот раз весы увезли, а гири забили.

— Дадите мне Пульку, — сказал я, — съезжу за гирями.

— А ты верхом издыть умиешь? — спросил он.

— Умею, — заявил я самонадеянно. — Вот только что на Ворошилове ездил.

— Ха, на Ворошилове! — сказал Пулик. — На Ворошилове и мертвяк поедет!.. Ну, ладно. Погоняй, тильки шагом.

Пулик надел на Пульку уздечку, сделанную из цепи, и подсадил меня. Я тронул повод, лошадь пошла шагом. Но как только мы свернули за ближайшую хату, я показал Пульке конец уздечки, и она сразу рванула галопом. Было страшно, но я держался. Тут выскочила из чьего-то двора черная собачонка и с лаем кинулась в ноги лошади. Лошадь от собаки шарахалась и становилась на дыбы.

Я со страху совершил почти цирковой кульбит. Как-то ухитрился стать лошади на спину и прыгнул вниз. Кажется, я ушибся. Не очень сильно, но на всякий случай заплакал. Пулька подошла ко мне и, уже не обращая внимания на бесновавшуюся собачонку, склонилась надо мной и дышала мне в лицо, очевидно, пытаясь понять, не слишком ли мне больно.

Я поднялся, вытер слезы, подвел Пульку к какому-то сарайчику и в два приема взобрался сначала на крышу сарая, а потом на Пульку. И поехал дальше, теперь уже только шагом. Гири я бригадиру привез, все кончилось благополучно. После этого я ездил на многих лошадях и всегда без седла.

Борьба с оккупантами

Мы все были люди городские, к борьбе с природой непривычные. Поэтому зима нас застала врас-

плох. Мало того, что не оказалось никаких припасов, кроме пшеницы. Вода в колодцах замерзла, да и с топливом получилось неладно. Местные жители топили печи кизяком — лепешками из коровьего навоза с соломой. А у нас не было ни коровы, ни навоза. Поэтому топили соломой. А это — дело нелегкое. Солома горит быстро, огня дает много, а жару мало. Сева и Витя иногда со мной, а чаще без отправления куда-то подале в поле к одиноко стоявшей скирде. Солома там была уложена очень плотно. Ее приходилось с большим трудом выщипывать из середины. Братья со временем наловчились накручивать довольно большие вязанки, тащили их домой и тут же отправлялись обратно. Кизяк или уголь утром заложил, вечером добавил. А солому только успевай подкладывай.

Воду вытапливали из снега. Пить противно, она приторно-сладковатая. Но для варки и для стирки годится.

Со стиркой, впрочем, были тоже неприятности. Нормальное мыло из нашего обихода вышло, а на место него пришла какая-то черная жижа, которая не столько мылила, сколько воняла.

Скоро появились у нас на теле и в голове вши, безуспешную борьбу с которыми вся страна вела дольше, чем с немцами. Так повелось, что во время всех войн в России катастрофически не хватало мыла. В его отсутствие вши возникали немедленно, как будто из ничего.

Вершителям судеб, стоявшим во главе государства и армии, похоже, никогда не хватало ума догадаться, что, вступая в войну, о запасах мыла следует позаботиться не меньше, чем о производстве пушек. Но мыла производилось мало, зато тратились огромные средства на строительство при вокзалах, казармах, больницах, тюрьмах и лагерях специальных прожарок для белья. Простые люди вшей давили, вычесывали, мыли голову керосином, складки белья проглаживали раскаленным утюгом, отчего скопления гнид трещали, как дрова в печи. В деревнях, где жизнь разнообразием небогата, борьба со вшами превратилась даже в вид развлечения. Бабы вычесывали друг у друга жирных насекомых частым гребешком или искали в голове, перебирая волосы и тут же давая их ноготь об ноготь...

Когда я это видел, меня тошнило.

Деревенский стриптиз

Днем тетя Аня, дядя Костя, Сева и Витя работали на уборке кледевины (растения, из плодов которого добывают касторовое масло), бабушка возилась по хозяйству, а я слонялся по дому и вокруг, не зная, чем заняться.

Иногда в гости к нам приходила соседская девочка лет десяти по имени Гала. Пока было тепло, Гала являлась совершенно голая, оставалась у двери, смотрела на меня исподлобья и бессмысленно улыбалась, ковыряя себя пальцем в районе пупа и ниже. Мне она ничего не говорила, а ей тоже.

Бабушка спрашивала: — Ты зачем пришла? Хочешь поиграть с Вовой?

Гала молча кивала, но как и во что играть, не знала, и я не знал. Бабушка спрашивала: — А тебе не стыдно ходить голой?

Гала отрицательно трясла головой.

Продолжение следует

31

№51
(1689)

25
марта
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Вечерний Известия 12.503.05